

Увидев, насколько Цзян Синь был непреклонен, директор Юй тоже проникся сочувствием.

Он-то знал: Цзян Синь проработал в школе всего две недели, но, взявшись за этот класс, изо всех сил старался наставить Лу Чэнфэна на путь истинный, хотя поначалу это не приносило никаких плодов.

Однако еще вчера Лу Чэнфэн не просто перестал пререкаться с учителями на уроках — он даже выполнил всю домашнюю работу прямо в кабинете Цзян Синя.

Сегодня директор Юй и сам слышал, как некоторые преподаватели-предметники хвалили Лу Чэнфэна за прекрасно выполненные задания, хотя они даже подозревали, не списал ли парень ответы.

Лишь учитель китайского языка был уверен, что Лу Чэнфэн ничего не списывал: Все его ответы на задания по проверке понимания текста точно попали в самую суть. Пусть в формулировках и есть небольшие расхождения с правильными ответами из рабочей тетради, я не верю, что Лу Чэнфэн — тот человек, который станет списывать, да еще и утруждать себя изменением формулировок.

Директор Юй занял пост завуча не только благодаря своим знаниям и способностям. У него было главное — искреннее стремление вырастить учеников достойными людьми. Он хотел, чтобы в стенах школы дети хорошо учились, успешно сдавали экзамены и обрели светлое будущее.

Он повернулся к старшеклассникам: Уважаемые ученики, я хочу еще раз уточнить у вас: вы уверены, что не обижали эту ученицу по имени Чжэн Дуя?

Те уже собирались ответить, как дверь кабинета снова распахнулась.

Внутри уверенным шагом вошел ректор Дун. Оценив царящую в помещении напряженную атмосферу и две противоборствующие стороны, замершие друг напротив друга, он сразу понял, что проблема до сих пор не решена.

Ректор Дун был крайне недоволен. Кому захочется после окончания рабочего дня тащиться обратно в школу из-за сверхурочной работы, да еще и разбираться с делами этих семейств?

С недовольным выражением лица он посмотрел на директора Юй, искренне не понимая, почему тот до сих пор возится с таким пустяком. Разве здесь есть что-то сложное? Неужели кто-то всерьез думает позволить этим семействам остаться в убытке?

Связи с этими людьми — не просто вопрос школьных пожертвований на учебные материалы или строительство корпусов. У них имеются серьезные рычаги влияния и в самой системе образования.

Нахмурившись, ректор Дун обратился к директору Юй: Почему дело до сих пор не улажено?

Директор Юй тут же изложил ему позиции обеих сторон и пояснил: Я как раз провожу расследование и пытаюсь выяснить, не занимались ли эти старшеклассники травлей одноклассницы.

Да стоило ли вообще спрашивать?! Они же настоящие грозовые тучи старших классов, сколько раз уже издевались над другими учениками — и хоть бы раз их наказали! Даже если и следовали какие-то взыскания, всё сводилось лишь к показухе для видимости, до реальных мер дело никогда не доходило.

Как только директор Юй умудрился не справиться с такой ерундой?

Между учениками случаются мелкие разногласия, потасовки — это же вполне нормально. Неужели директор Юй всерьез думает, что произошло что-то из ряда вон выходящее? Он даже не стал обращаться к старшеклассникам, а перевел взгляд на Цзян Синя: Это ты вызвал охрану и притащил их в кабинет?

Цзян Синь как раз только что отправил помощнику Сунь еще одно сообщение: Спасите-спасите-спасите! За спиной у противника — сам ректор! Спасите нас, президент Лу!

Услышав это, Цзян Синь поднял голову. На его лице по-прежнему не было ни тени страха.

Природой ему досталось слегка мальчишеское, невероятно миловидное и красивое лицо — совсем не похожее на учительское. Его чистые глаза излучали твердость и чистоту, и, глядя прямо на ректора, он не испытывал ни малейшего трепета: Да, это я велел охране привести их сюда.

Подумаешь, мелкое недоразумение, стоило ли из-за этого поднимать такой шум? — Ректор бросил на Цзян Синя свирепый, полный злобы взгляд. — Методы работы этого учителя слишком радикальны. Я слышал, он все еще находится на испытательном сроке? Что ж, пожалуй, нам придется всерьез задуматься о том, стоит ли вообще его утверждать.

Затем он перевел взгляд на Лу Чэнфэна: Лу Чэнфэн, репутация у тебя в школе и так не блещет, учителя прекрасно это знают. Ты ввязываешься в драки уже далеко не в первый раз. С чего это вдруг на сей раз ты заладил про благородное спасение слабого? Неужели ты рассчитывал, что мы слепо поверим тебе и отменим наказание?

Лицо Лу Чэнфэна мгновенно залилось краской гнева, зубы сжались так сильно, что заскрежетали. Во взгляде плескалась дикая бунтарская ярость, а дыхание стало тяжелым и прерывистым: Зря я тогда с ними церемонился! Надо было отметелить их до полусмерти, сделать инвалидами! И что бы вы мне тогда сделали?!

В худшем случае отделался бы парой дежурных выговоров, ну, в крайнем — кто-нибудь снова полез бы драться, используя это как предлог, чтобы отомстить мне в ответ.

Но даже если бы я сам оказался покалеченным и при этом прикончил парочку этих ублюдков, это хотя бы уняло бы злость в моем сердце! Разве сравнить это с нынешним унижительным бессилием?!

Ректор Дун в ярости взмахнул рукой, указывая на парня: Вы только послушайте его тон! И вы все еще смеее утверждать, будто он кого-то там спасал!

Цзян Синь сделал шаг вперед, заслонив собой Лу Чэнфэна, и крепко вцепился рукой в его запястье. Его миловидное лицо исказилось от гнева: Вы говорите, я слепо верю ученику? Это мне хочется спросить, сколько вы отхватили от этих семейств! Никаких разбирательств, никаких вопросов — вы просто взяли и заранее вынесли вердикт! Вы что, приняли меня за мягкотелого учителя, которого можно безнаказанно топтать?! Пусть с виду я кажусь податливым, характер у меня железный!

Его бледное личико тоже покраснело от злости, но взгляд стал еще тверже, чем прежде. Вспомнив два коротких сообщения, отправленных через аккаунт помощника Сунь, и переписку, где черным по белому значилось «Мы на месте», появившуюся в мессенджере в тот самый момент, когда он выскочил защищать Лу Чэнфэна, Цзян Синь почувствовал себя куда увереннее!

Уже догадавшись, кому принадлежали те лаконичные строчки, присланные Лу Янем, он — пусть и не отличавшийся внушительным телосложением — стоял стеной перед своим учеником и чеканно бросил ректору: Если это дело не будет расследовано по всей справедливости, я обращусь в полицию! Я лично поведу своих учеников в суд и заставлю отвечать вас, этих сопляков и их родителей! Они занимались вымогательством и травлей, а вы — их прямые соучастники! Я добьюсь того, чтобы вы все отправились за решетку!

Не тебе указывать, как поступать в стенах школы! — Гнев ректора Дуна окончательно затмил разум. — Уволить этого учителя! Немедленно уволить! И сделать в его личное дело жирную запись о профнепригодности! Посмотрим, какая школа после этого осмелится взять его на работу!

Не успел он договорить, как дверь кабинета снова распахнулась.

Присутствующие повернулись к выходу. Помощник Сунь вошел в комнату и расчистил проход для того, кто следовал за ним.

С мрачным, тяжелым выражением лица Лу Янь перешагнул порог. В руке он держал телефон помощника Сунь, а атмосфера вокруг него казалась ледяной и непреклонной.

Стоило ему войти, как раскаленный до предела воздух в кабинете словно окатили ушатом

ледяной воды — обстановка мгновенно заледенела.

Цзян Синь смотрел на вошедшего и чувствовал, как запястье Лу Чэнфэна в его руке слегка подрагивает. Неизвестно почему, но на душе у него вдруг скребли кошки, накатила такая горькая обида, что глаза защипало от выступивших слез.

Словно обиженный ребенок, уличный задира, нашедший наконец взрослого, способного за него заступиться, он ткнул пальцем прямо в лицо ректору Дуну и принялся жаловаться: Папа Лу Чэнфэна, вы наконец-то пришли! Если бы вы опоздали еще чуть-чуть, нас бы заклевали и засудили — этот директор только носит громкое звание, а на деле его душонка давно прогнила! Он мало того что клеветает на вашего сына, заставляя его отдуваться за чужие грехи и принимать незаслуженное наказание, так еще и хочет выгнать любимого учителя вашего сына!

Лу Чэнфэн, до этого момента послушно прятавшийся за спиной Цзян Синя, вдруг ощутил в груди странную, болезненную сладость и щемящую полноту. Это давящее чувство вот-вот грозило прорвать внутренние плотины, но последняя фраза Цзян Синя подействовала на него точно так же — словно холодная вода за шиворот, вызвав самую противоречивую гамму эмоций.

С каких это пор Цзян Синь стал его любимым учителем? Украдкой бросив взгляд на чужую спину, парень подумал: ну и бесстыдник же он, сам себе медали вешает!

Лу Янь хранил молчание. Последние слова Цзян Синя он пропустил мимо ушей — разумеется, он не верил, будто этот парень мог оказаться любимым учителем его сына. При всем своем равнодушии к воспитанию отпрыска Лу Янь прекрасно знал: слово учитель в списке симпатий его сына никогда не значилось.

Его холодный, пронизывающий взгляд остановился на ректоре Дуне. Заговорив, Лу Янь издал звуки, исполненные безжалостного металлического холода: Помощник Сунь.

Он не стал говорить ничего лишнего, ограничившись лишь именем помощника, но этого оказалось достаточно, чтобы придавить тяжестью всех присутствующих.

Помощник Сунь слегка кивнул: Слушаюсь, президент Лу. Я сейчас во всем разберусь.

Цзян Синь тут же вскинул руку: Я, я, я! Помощник Сунь, я знаю больше всех!

Вытащив из-за спины Лу Чэнфэна, он указал на собственное кресло: Быстро усади отца сюда! И сходи принеси одноразовый стаканчик, налей ему воды!

Распорядившись насчет Лу Чэнфэна, он тут же пристроился рядом с помощником Сунь и вплотную, шепотом, выложил ему всю хронологию событий, начиная с вчерашнего дня.

Разумеется, он предусмотрительно опустил детали про то, как сам расставлял ловушки и заманивал рыбу в сети, представив дело так, будто он случайно заметил, как Лу Чэнфэн ведет компанию школьников в глухой переулок, испугался, что тот снова натворит глупостей, и последовал за ними, после чего и стал свидетелем благородного поступка парня.

Говорил он довольно громко, но из-за присутствия Лу Яня никто в кабинете не смел его перебить, так что все от начала до конца выслушали эту историю во всех подробностях.

Помощник Сунь: [...]

Если бы в его телефоне не хранилось видео с той самой камеры, демонстрирующее предвзятость учителя, он бы и впрямь поверилж каждому слову Цзян Синя.

Тем временем Лу Янь уже устроился на рабочем месте Цзян Синя. Перед ним стоял пластиковый стаканчик с кипятком, который Лу Чэнфэн поставил с максимальной почтительностью — от воды все еще поднимался белый пар.

Лу Янь мельком глянул на одноразовую посуду и мысленно фыркнул: думал он, будто не знает, что на уме у этого паршивца.

Когда Цзян Синь закончил свою тираду — нет, когда он закончил изливать жалобы — Лу Янь перевел взгляд на покрытого холодным потом ректора Дуна и родителей старшеклассников, которые украдкой переглядывались, опустив головы. Вычленив из долгой речи Цзян Синя одну фразу, он произнес: Значит, я, Лу Янь, обычно вовсе не интересуюсь делами своего сына Лу Чэнфэна?

Его голос прозвучал холоднее, чем когда-либо, с едва заметной ноткой издевки, но каждое слово полоснуло по присутствующим острыми, обледенелыми клинками — словно ударило по всем тем, кто хоть раз в жизни позволял себе подобные мысли.

Цзян Синь снова вскинул руку и в два прыжка очутился рядом с Лу Янем. С видом преданного подлизы и одновременно яростного защитника он выпалил: Именно! Да как они вообще смеют такое говорить! Разве найдется родитель, который не любит своего ребенка? Просто у каждого свой способ выражения чувств! Президент Лу, с чего бы вам не заботиться о Лу Чэнфэне? Вы просто хотели закалить его характер, я прав?

С этими словами Цзян Синь обернулся к ученику: Видишь? Твой отец все равно приехал, чтобы заступиться за нас! В глубине души он очень о тебе беспокоится!

Лу Янь: [...] Если бы в кабинете не находилось столько посторонних свидетелей, он бы заставил этого болтуна замолчать.

Лу Чэнфэн закатил глаза, избегая отцовского взгляда. Подумаешь! Кто вообще поверит в этот

бред? С чего бы Лу Яню о нем беспокоиться!

Система же поверила. Пережив череду головокружительных поворотов и наблюдая за тем, как один за другим персонажи появляются на пороге кабинета, ее дата-сердце то замирало, то оттаивало.

Видя, что буря наконец улеглась, она полным надежды голосом обратилась к Цзян Синю: То, что ты сказал — правда? Отец объекта для захвата действительно так сильно о нем заботится и любит его? Просто его манера проявлять чувства вводит людей в заблуждение?

Цзян Синь: [...]

Мысленно ответив Системе: Понятия не имею, но сейчас мне просто необходимо было поднять это знамя!

Система: [...] Твою мать, получается, из всех нас надули только меня!

<http://bllate.org/book/22258/2329233>